

**Ответственность агента за нарушение гарантии полномочий: использование
английского и китайского опыта в понимании ст. 183 ГК РФ**

Научный руководитель – Белов Вадим Анатольевич

Пензин Матвей Игоревич

Студент (магистр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Кафедра коммерческого права и основ правоведения, Москва, Россия

E-mail: mate_2001@mail.ru

Тезис 1. Английское право исходит из того, что агент вовлекает третью сторону в договор через заявление о наличии полномочий, поэтому «ответственность агента является строгой и вытекает из сопутствующего договора (*collateral contract*)» [4]. В деле *Collen v Wright* [1857] отмечалось, что лицо, претендующее на заключение договора в качестве агента другого, подразумевает, что полномочия, которыми оно якобы обладает, существуют на самом деле. При этом не имеет значения, знал ли агент о дефекте своих полномочий. Отсюда, ответственность агента в английском праве вытекает из самой репрезентации статуса. Для российского права это является ориентиром, что ключевым фактом является именно утверждение агента о наличии полномочий, а также причинная связь между этим утверждением и возникшими убытками. В контексте ст. 183 ГК РФ это означает, что предметом анализа должна быть не только формальная констатация отсутствия полномочий, но и поведение представителя, создавшее у третьего лица основание исходить из их наличия.

Тезис 2. В российской литературе отвергается деликтная квалификация ответственности агента, равно как и ответственность за *culpa in contrahendo*, руководствуясь тем, что агент «согласно доминирующим воззрениям, обязан возместить третьему лицу положительный договорный интерес», а посему «более уместная теория объявляет такую ответственность договорной, проистекающей из некой подразумеваемой гарантии, которую дает представитель третьему лицу, заверяя, что он имеет полномочие на заключение договора, и отвечает за неисполнение такой гарантии» [1]. Между тем, такая позиция представляется весьма сомнительной для нашего права. Так, английское право объясняет ответственность агента через подразумеваемую гарантию, которая является условием договора между агентом и третьим лицом; при этом такая гарантия возникает как результат того, что сторонами было предоставлено встречное удовлетворение, скрепившего договорную связь между ними [3]. В свою очередь, ответственность агента по ст. 183 ГК РФ основана на факте причинения убытков в результате неправомерного поведения. Следовательно, такая ответственность по российскому праву подпадает под общие нормы о деликтной ответственности.

Тезис 3. Альтернативная модель ответственности за отсутствие полномочий предусмотрена в китайском праве. Если лицо действует без полномочий и представляемый впоследствии не ратифицирует совершенное действие, такое действие не порождает правовых последствий для представляемого, однако контрагент вправе по своему выбору потребовать от действовавшего лица исполнения обязательства либо возмещения убытков (ст. 171

ГК КНР). При этом возможность реализации указанных требований поставлена в зависимость от поведения самого контрагента. В частности, если он знал или должен был знать об отсутствии полномочий, он лишается права требовать исполнения или возмещения, что свидетельствует о прямом закреплении критерия осведомлённости и должной осмотрительности как предела ответственности (ст. 171 ГК КНР). Наряду с этим закреплён институт видимого представительства, в силу которого при наличии у контрагента разумных оснований полагать существование полномочий действия лица признаются действительными для представляемого (ст. 172 ГК КНР). Тем самым китайская модель сочетает защиту оправданного доверия с нормативным распределением рисков отсутствия полномочий и демонстрирует возможность построения ответственности за такие действия как автономной конструкции, не выводимой из предполагаемого договора между представителем и третьим лицом.

Тезис 4. В английском праве наличие убытков и причинной связи является обязательным элементом ответственности за нарушение гарантии полномочий. При этом само по себе отсутствие полномочий не образует основание для взыскания (*Collen v Wright* [1857], *R&P Property Ltd v Owen White & Catlin LLP* [2018]). Необходимо установить, что третье лицо понесло ущерб именно вследствие разумного полагания на заявление представителя о наличии полномочий, и тем самым ответственность носит строго компенсационный характер и не направлена на санкционирование факта превышения полномочий как такового [5]. Китайское право исходит из сходной логики, закрепляя, что при отсутствии ратификации контрагент вправе предъявить требования к действовавшему лицу лишь при условии своей добросовестности, а право на компенсацию исключается, если он знал или должен был знать об отсутствии либо превышении полномочий, что означает нормативное связывание ответственности с нарушением защищаемого доверия и наступлением реального ущерба. В российском праве п. 3 ст. 183 ГК РФ предусматривает возможность взыскания убытков, однако не раскрывает критерии причинной связи и характер подлежащего защите интереса, что создаёт риск взыскания потерь лишь на основании самого факта отсутствия полномочий. Сопоставление показывает, что при применении ст. 183 ГК РФ необходимо устанавливать, что убытки являются следствием обоснованного доверия к созданной представителем видимости полномочий, а не любыми неблагоприятными экономическими последствиями сделки, что позволяет определить пределы ответственности и избежать её фактической объективизации.

Источники и литература

- 1) Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. Карапетов А. Г. – М., 2018. С. 1017-1018.
- 2) Комаров А. С. Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 2016. М., 2020. С. 89.
- 3) McKendrick E. Contract law. L., 2017. P. 174.
- 4) Munday R. Agency: Law and Principles. L., 2022. Para. 7.10.
- 5) Treitel H. G. The law of contract. L., 2003. P. 738.